

БИОЭТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В КУЛЬТУРЕ
БУДУЩЕГО

Смирнов К.С.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
биоэтики и права Волгоградского государственного медицинского
университета, zzzzz111@mail.ru.

В статье показывается, что современная культура имеет в себе дезинтегрирующие механизмы. При этом указывается, что современная культура имеет пределы в своем развитии. В итоге следует восстановление традиционного культурного пространства на основе биоэтической парадигмы, которая интерпретируется как неотрадиционализм.

Ключевые слова: современная культура, биоэтика, биоэтическая парадигма, традиция, неотрадиционализм.

BIOETHICAL PARADIGM IN THE CULTURE OF
FUTURE.

K.S. Smirnov

PhD, associate professor of Department for Philosophy,
Bioethics and Law with the Course of Psychology and
Sociology for Medicine of Volgograd State Medical University

In article it is showed that modern culture contains disintegrating mechanisms. It is indicated also that modern culture has limits in its development. The restoration of the traditional cultural space on the basis of bioethical paradigm which is interpreted as neotraditionalism follows as a result.

Key words: modern culture, bioethics, bioethical paradigm, tradition, neotraditionalism.

Необходимость говорить о культуре будущего обусловлена тем, что культура настоящего или современная культура подошла в своем развитии к некоторому рубежу, переступание которого чревато поистине катастрофическим сценарием для всего человеческого рода. «Важно понимать, что культура в настоящее время переживает сдвиг поистине тектонического масштаба» [1]. Прежде чем говорить о том, в чем состоит эта катастрофичность и как ее избежать, следует предложить определенное видение культуры. Такое видение наиболее четко представлено в монографии А.И. Пигалева «Апокалиптика посмодерна»: «Культура-это, прежде всего, особая машина выживания, состоящая из средств управления индивидуальным и коллективным поведением людей» [2].

Исходя из этого определения, можно поставить вопрос: каковы же базовые средства управления современной глобальной культуры? Фундаментальным средством за последнюю четверть века стал симулятивный капитал. Это обусловлено тем, что в последние десятилетия 20-го века в капитализме произошла весьма радикальная трансформация. Рынок инициирует все более активную деятельность, производит ускорение обращения товаров и денег, но при этом утрачивается связь с тем, ради чего все это должно двигаться. Рынок создает движение ради движения. Рыночная экономика порождает гипермобильного индивида, своего рода современногономада, странствует по миру в поисках выгодных сделок. Однако в современную эпоху рынок начал работать сам на себя и практически все оценивать скоростью обращения.

Даже закон стоимости не может здесь ничего отрегулировать. Например, вряд ли кто понимает причины скачков биржевых индексов, и сегодня трудно понять, сколько стоит доллар «на самом деле». Товары продаются по принципу «дороже, чем дорого», а деньги, утратившие связь с материальным обеспечением, оказываются просто спекулятивным знаком, символическим капиталом. Но не является ли такая трансформация самой сутью капитализма? Как отмечает современный философ Славой Жижек «саморазвивающееся и самовозрастающее финансовое обращение и есть единственное Реальное в отличие от реальности производства». И далее « обращение капитала - это ошеломляющее Реальное нашей жизни, а капитал- это поистине хрупкий абсолюте: все вращается вокруг него, но он существует только благодаря нашей доверчивости, и поскольку мы верим в него- кризис уверенности может вызвать миллиардные издержки» [3]. Таким образом, без какого-либо внешнего принуждения возникает метафизическое, стохастическое движение всемогущего капитала, которое инициирует реальные события и катастрофы. Можно сказать, что здесь и таится фундаментальное системное насилие капитализма, парадоксальное, по сравнению с любым социально-идеологическим или религиозным насилием: это насилие нельзя больше отнести на счет злой или извращенной воли конкретных людей; оно является чисто «объективным», системным, анонимным, технологичным. Примечательно, что этот аспект современного капитализма удачно отразился в англоязычном дискурсе: выражение «money talks» означает буквально «деньги говорят», что предполагает «молчание» всех остальных субъектов дискурса. В определенном смысле мы сталкиваемся здесь с парадоксом: то, что не способно говорить, «говорит», а то, что призвано к дискурсу, вынуждено замолчать. В сущности, произошло событие поразительное: человек-творец стал слугой (обслужой) собственного творения. Не будет большим преувеличением утверждение о том, что возникла почти невидимая финансовая империя. Она не имеет официальной структуры. Большинство граждан этой империи даже не представляют себе, что подчиняются ей. А если и признают, что подвержены действию безличных и нередко разрушительных сил, то не имеют понятия, что представляют собой эти силы. Между тем, еще Маркс более чем убедительно показал, что в условиях капитализма, область меновых стоимостей становится автономной и трансформируется в спектр самоуправяемого капитала, который использует производственные мощности и реальные потребности людей в качестве своего временного воплощения. Реальность приходит в соответствие с иллюзорной самопорождаемой картиной, когда деньги производят деньги; это умозрительное безумие не может существовать как нечто неопределенное, оно должно порождать глубокие кризисы. Согласно Марксу, главной причиной этих кризисов является разрыв между потребительской и меновой стоимостью. Меновая стоимость развивается собственным курсом, она движется в своем безумном танце, который уже не зависит от реальных потребностей людей. Здесь немаловажным представляется напоминание, что Маркс- великий наследник и, одновременно, критик Гегеля. В сущности, капитал является «абсолютной идеей» Маркса. Капитал имеет тенденцию к превращению в своего рода квазисубъект, автономный симулякр, почти божество, для которого люди, природа, культура только объекты. При этом современный глобальный капитал выходит из под человеческого контроля и

становится квазисубъектом, который поступает, и будет поступать антисоциально, если это будет служить его безграничному росту. Об этом Маркс пишет очень ясно: «Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги- это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир- как человеческий мир, так и природу- их собственной стоимости. Деньги- это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком и человек поклоняется ей» [4]. В настоящее время это может означать разорение и гибель человечества в невообразимых масштабах. Как отмечает современный британский философ Терри Иглтон : «Капитализм уже давно вышел из-под контроля и движется, увлекаемый анархией рыночных сил» [5].

Производным от симулятивного капитала является второе средство управления: глобальная социальная стратификация, которая в настоящее время упростилась до предела в своей поляризации. На одном полюсе находится более 99% населения планеты, которые не владеют капиталом. Среди этого подавляющего большинства особо следует выделить три миллиарда человек, каждый из которых живет на сумму чуть большую, чем два доллара в день. А 1,2 миллиарда человек из этого числа живет в вопиющей нищете. То есть каждый шестой представитель рода человеческого вынужден выживать на 1-2 доллара в день. Это люди, для которых наступил «конец социального» (впрочем, для многих из них «социальное» так и не началось). Это, так сказать, социальные мертвецы, люди-никто, живущие в социальном аду. О них нельзя даже говорить как о винтиках социальной машины эксплуатации. Ибо винтик еще можно различить в социальном поле. В отношении же этих людей действует принцип социальной слепоты или «учтivity невнимания». Они, если использовать язык современного хайтека, нанообъекты современного «глобального челоуейника». Эти несчастные- просто неразличимая биомасса. Но ведь все по закону, одному единственному закону капитала, имя которому - безразличие.

Жуткой метафорой существования этого огромного числа людей является «город мертвых», расположенный в Каире. Это старое кладбище, которое сделали местом своего обитания, самые обездоленные жители египетской столицы. Впрочем, уже существует специальный термин для определения топоса существования этих людей: шанти-таун (shanty-town). Шанти-тауны- это трущобы, сквоттерские поселения, которые окружают большинство крупных городов мира от Каира до Парижа или существуют там в виде анклавов. У обитающей в таких условиях колоссальной массы людей нет никаких социальных перспектив. Они представляют собой некий человеческий материал, который используется в качестве дешевой и бесправной рабочей силы, «пушечного мяса» во всевозможных военных конфликтах современности, объекта сексуальной эксплуатации и сырья на растущем рынке «черной» трансплантологии. Однако при рассмотрении глобальной социальной стратификации невозможно игнорировать этих людей. Без них современное глобальное общество вообще немислимо. Они образуют специфический устойчивый социальный слой, который вполне можно сопоставить с рабами Римской империи. Они бесправны, как рабы. По крайней мере, права их очень ограничены по сравнению с обладателями капитала. Условия их жизни тоже сопоставимы с рабскими. Эти люди воспроизводимы в этом их статусе, как воспроизводились рабы в Древнем Риме.

Хорошо известно, что Маркс весьма красноречиво описывал жестокость процесса, посредством которого согнанное с земли крестьянство

трансформировалось в городской пролетариат, что он мог лично наблюдать в избранном им для проживания графстве Англии,- процесса, через который сегодня проходят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ряд других, менее крупных стран. Книга Майка Девиса «Планета трущоб», которая документально описывает жуткие поселения нового глобального пролетариата, встреченные автором в Лагосе или Дакке, может считаться обновленной версией книги Ф.Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В частности, по поводу Китая, ставшего в настоящее время «мастерской мира», можно отметить, что специальные экономические зоны в Гуанчжоу или Шанхае выглядят страшными напоминаниями о Манчестере и Глазго 1840-х годов. В этом смысле любопытно вспомнить название одной из главных книг А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг», которая описывает массовые репрессии большевистского режима в Советской России в период с 1918 по 1953 годы. Сейчас вполне можно писать книгу с условным названием «Архипелаг Капиталаг», которая могла бы быть посвящена «неблагодарным сюжетам» уже глобального социокультурного пространства, где миллиарды людей низведены до уровня простого расходного материала в «топке» капитала. Причем такое положение дел имеет отношение и к миллиардам людей, которые принадлежат к так называемому «среднему классу». Огромная часть среднего класса (особенно в США) – это люди, живущие в кредит. Глобальный кризис, начавшийся в конце 2008 года, поставил само существование среднего класса под вопрос. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что, фактически, средний класс- это тоже бедные, которые симулируют состоятельность. Иначе говоря, это искусственно созданная состоятельность, явившаяся результатом глобализации рынка и кредитной накачки. Фактически, средний класс обречен на кредитное потребление, которое, тем не менее, не является показателем благосостояния. Напротив, если жить на «достойном» уровне можно только благодаря кредиту, это значит, что реальное благосостояние представителя среднего класса есть не более чем фикция, симулякр. Однако сегодня жизнь в кредит для среднего класса- это чуть ли не норма, причем норма поощряемая и даже навязываемая всем ансамблем информационных технологий массовой культуры. При этом обращает на себя внимание тот факт, что с 2008 года около 60% работников крупных западных корпораций, в сущности, работают без отпуска (уже шестой год). Эти представители среднего класса (в основном, менеджеры низшего и среднего звена) «продали» за относительно небольшой бонус свое право на гарантированный ежегодный отпуск. Нетрудно домыслить, что «покупатели» (в данном случае топ-менеджеры и главы корпораций) просто перешли к откровенной эксплуатации среднего класса в режиме потогонной системы для сохранения своих сверхприбыли и сверхпотребления.

На другом полюсе глобальной социальной стратификации находится так называемый «золотой миллион» (не следует путать с социально-политической метафорой «золотой миллиард», которая обозначает «средний» класс, низведенный до уровня просто статусной услуги), включающий мультимиллионеров, миллиардеров, а также ряд кланов финансовой олигархии (порядок богатства которых исчисляется триллионами долларов), которые превратили капитал в «пятую власть» посредством «асистемной солидарности тайного сговора» [6]. Для этой относительно небольшой группы людей капитал стал определенным социокодом, который не только

отделяет и изолирует их от всех остальных в социокультурном поле, но и позволяет увидеть очертания сверхбогатых в качестве некой новой биологической расы, защищенной от болезней и улучшенной с помощью новейших генетических открытий и технологий. Принимая во внимания уже существующие высокотехнологичные достижения (расшифровка генома, биопластические операции, методы генной инженерии), можно представить себе, что уже в обозримой перспективе 21-го века в недрах «золотого миллиона» будет создан такой тип людей, который будет обладать, прежде всего «нечеловеческими» (или сверхчеловеческими) характеристиками. К ним относятся способности видеть в темноте и слышать в ультразвуковом диапазоне, быстро регенерировать повреждения, модифицировать в нужных параметрах форму тела, напрямую пользуясь вживленными наноприборами, считывать радиосигналы. Связь с компьютерными системами также будет осуществляться непосредственно, на уровне мозга. Очень важно, что этот новый тип человека будет жить в совершенно ином восприятии времени- упреждая и опережая обычного человека во всем спектре жизненного пространства. Это будет естественным превосходством совершенно иного способа существования, частью биологического, а частью кибернетического, в котором практически не останется уже ничего «человеческого, слишком человеческого». Это будет просто иная экзистенция, иной спектр переживаний.

Таким образом, речь идет о таком варианте недалекого будущего, который предполагает не просто глобальную социальную стратификацию, но биосоциально- кибернетическую стратификацию. Это будет глобальный партикуляризм на основе нового финансового апартеида. Это означает, что растущая поляризация достигает пределов, при которых мировая социокультурная система не может нормально функционировать как единая целостность, скатывается к глобальному социальному взрыву, который в насыщенном оружии массового уничтожения мире может привести к самоуничтожению человечества.

Чтобы максимально скрыть и завуалировать обозначенные выше факторы, управленческая матрица современной культуры включает третье важнейшее измерение или средство управления: массовую культуру. Массовая культура есть транскультура. Ибо она есть культура коммерческая, для которой нет границ. Тогда как культура в традиционном понимании есть система сакральных ценностей и ограничений. Парадоксально, что именно из культуры традиционной массовая культура черпает сюжеты и идеи для своих «произведений». Но при этом содержание традиционной культуры получает невероятно дегенеративную форму выражения. Однако в этом вырождении и извращении и состоит глубокое значение массовой культуры как средства управления в современной культурной матрице. В этом смысле массовая культура является не просто компенсаторным механизмом, но активной технологией формирования психического строя современного человека. Данная культура есть всепроникающий и всеохватный гедонистический дискурс, цель которого- культурная дрессировка человека и превращение его в «машину желаний», когда человеческое существо уже не способно подняться над навязанными, искусственными потребностями. Массовая культура формирует в душе современного человека «буржуазный гештальт счастья». Данный гештальт включает ряд компонентов, которые можно назвать симулякривозванными пустотами, сплетающими плотную сеть в психической структуре обычного современного человека: телосексоцентризм, финансовая состоятельность, конформизм. Это, одновременно, желанные атрибуты нового буржуа. Современный буржуа является носителем и выразителем особого мировоззрения, которое присуще не

только людям, обладающим собственностью на средства производства, но и подавляющему большинству людей очень скромного достатка и социального статуса. Ключевой аспект этого мировоззрения- это стремление не буржуа превратить свою жизнь в своего рода укрепленный город (burgus), имея в качестве проекта гештальт счастья. Этот гештальт настолько наполнен позитивными эмоциями, наивной сентиментальностью, канонизированными тщеславием и угодливостью, что ирония, насмешка, субъективная энергия негативного в данном случае оказываются более слабыми. Но существует тяжелое последствие такого непрерывного созидания позитивного. Ибо если негатив порождает кризис и критику, то позитивное, поднятое до уровня гиперболы, порождает катастрофу из-за невозможности выделить кризис и критику даже в гомеопатических дозах. Черты этой катастрофы все явственнее проступают при наблюдении и анализе молодого поколения. Дело в том, что система ценностей массовой культуры трансформировалась в современных условиях в систему соблазнов. Имеет место мощная тенденция распространения обезличенной массовой культуры, утраты значительной части традиционных культурных ценностей, что поддерживается Интернетом, телевидением и другими средствами массовой информации под влиянием нацеленных на извлечение сверхприбылей ТНК. Молодое поколение получает все менее глубокое образование в области традиционной культуры, его затопляет волна массовой культуры, которая ориентирована на дисгармонию и уродства жизни, заполнена сценами насилия, пошлости, порнографии, представлена выгодными коммерческими произведениями самого низкого культурного уровня. Это ведет к потере значительной части культурного наследия, созданного и сохраненного десятками поколений, при очередной смене поколений, современная молодежь в большей степени ориентирована на получение информации, чем на классические формы трансляции культуры- книги, театры. Бедным и убогим становится культурный кругозор молодых людей, а главное- массовая культура вызывает не преклонение перед прекрасным, идеалами красоты и добра, а интерес к низменному, дисгармоничному, уродливому, безобразному, безвкусному, пошлому и вульгарному. Массовая культура становится инструментом распространения сексуальной революции, в которую вовлекаются уже даже дети, что приводит к потере высоких идеалов любви, красоты и добра, к полной духовно-психологической дезориентации и деградации.

Глобальная массовая культура есть новая квазиязыческая мифология, которая включает в себя миф об информационном обществе, миф об угрозе перенаселения, миф о неисчерпаемости природных ресурсов, миф о всемогуществе науки и технологий, миф об обществе изобилия, миф устойчивого бескризисного развития, миф об однополярном мироустройстве. Массовая культура как гедонистический дискурс и квазиязыческая мифология является предельным выражением чувственного социокультурного строя, который доминировал на Западе, а потом и во всем мире в течение последних пяти столетий. Достигнув своего современного состояния, данная культура переходит в свою противоположность, т.е., в антикультуру. Поэтому можно говорить о том, что этот большой цикл культуры подходит к своему завершению.

Следует особо подчеркнуть, что современная культура имеет под собой колоссальную мину. Ибо

если для роста капитала нужно расширять рынки, то рано или поздно возникнет ситуация, что они станут размером со всю планету, что и можно определить как глобализация. Но тогда капитализм как система развития, обуславливающий определенный тип культуры, должен прекратить свое существование (идея распространения рынка на другие планеты кажется весьма далекой и сомнительной перспективой). Произойдет ли это в виде некоторого катастрофического обвала или относительно медленного оседания, вопрос, возникающий перед человечеством в этой связи, представляется очевидным: какова будет культура посткапиталистического будущего? То есть, каковы будут средства управления индивидуальным и коллективным поведением людей?

Мы считаем вполне возможным предложить биоэтику, биоэтическую парадигму для выполнения этой роли. При этом биоэтику можно определить как неотрадиционализм, где происходит преодоление бинарной оппозиции «традиция- современность» в новом диалектическом синтезе. Однако почему биоэтическая парадигма как неотрадиционализм, а не что-либо иное?

Создатель философии интегрального традиционализма Рене Генон отмечает, что «Традиция допускает бесконечно множественные и разнообразные приспособления в их модальностях; но все эти приспособления... есть не что иное, как нормальное развитие определенных последствий, извечно содержащихся в самом принципе» [7]. Ибо Традиция есть внешний, верховный принцип или совокупность принципов по отношению к индивидуальному человеческому бытию. Можно сказать, что Традиция есть совокупность принципов, следование которым не несет прямой и быстрой пользы отдельному человеку, но способствует выживанию сообщества людей. И здесь следует особо отметить, что среди пятнадцати принципов, декларируемых биоэтикой, первостепенное место занимают следующие: справедливость, солидарность, защита будущих поколений, сотрудничество, распределение прибыли (что можно интерпретировать, как децентрацию капитала), защита окружающей среды, биосферы и природного разнообразия. Эти принципы, на наш взгляд, есть конкретное выражение и приложение Традиции в современной социокультурной реальности.

Вместе с тем, снова обращаясь к Генону, который пишет о завершении цикла современности (современной культуры), важной и интересной представляется следующая его мысль: «достаточно того, чтобы лишь некоторые хранили в целостности истинное познание, чтобы быть готовыми, когда исполнятся времена, спасти все то, что еще может быть спасено из современного мира» [8]. А возвращаясь к декларируемым биоэтикой принципам, обращают на себя внимание следующие: человеческое достоинство, автономия, индивидуальная ответственность, уважение человеческой уязвимости и личной целостности, конфиденциальность, недискриминация и нестигматизация, социальная ответственность. Эти принципы являются порождением современной культуры. Хотя в настоящее время трудно назвать их средствами управления. Однако они дополняют принципы Традиции в синтетическом единстве биоэтической парадигмы, принятие которой в качестве средства управления в посткапиталистический период может обозначить контуры позитивного сценария развития человечества.

Не будет большим преувеличением отметить, что биоэтика- это новый космос морального дискурса, возникший чуть более сорока лет назад. Его влияние растет. Его идентичность, пределы и масштаб в качестве поля для исследования обсуждаются с нарастающей силой. Представляется, что именно в этом космосе может сформироваться новая культурная парадигма, которая

будет ответом на дезинтегрирующие вызовы современности. А сила этих вызовов такова, что по справедливому замечанию профессора Н.Л. Мальцевой уже и «наука пришла к пониманию того, что современная общецивилизационная модель общественного развития себя исчерпала» [9].

В самом широком смысле биоэтика есть учение о нравственном отношении ко всему живому. Появление такого учения весьма симптоматично: истощенность современной культуры такова, что «просто» этики уже не достаточно. Нужна новая парадигма. И в этом смысле эвристической представляется мысль о том, что «биоэтика как социальная наука должна пониматься как этика справедливости» [10]. Итак, базовый принцип биоэтической парадигмы в культуре- это справедливость. Принцип справедливости отменяет принцип «кто сильнее, тот и прав», утверждает равенство всех перед законом, говорит о том, что нравственное ограничение касается всех членов человеческого сообщества, а не только слабых, как например, в стаде обезьян. Наконец, принцип справедливости предполагает некоторое выравнивание сильной стратификационной разницы путем децентрации капитала (когда вводится, например, очень продуманная и сбалансированная шкала прогрессивного налогообложения). И развивая мысль о децентрации капитала, следует отметить, что в немалой степени современная банковская система «делает» деньги из ничего. Вместе с тем, надо признать, что денежно-кредитные институты- это не просто важные объекты социокультурной реальности, но стратегически важные элементы управления хозяйством и всей общественной жизнью. Поэтому в плане парадигмального измерения биоэтики следует говорить о возможности этического контроля за деятельностью банков, что прецедентно уже имеет место в деятельности так называемых «исламских» банков, где взимание ссудного процента минимизировано или вообще отсутствует. Безусловно, в исламской, коранической традиции есть немало того, о чем можно спорить, но очевидным, правомерным положением этой традиции является безоговорочное осуждение принципа «лихвы», т.е., взимания ссудного процента.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Смирнов К.С. Шуршин К.В. Топос человека традиции в современном культурном пространстве// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №7 (21): в 3-х ч. Ч. 2.- С. 153.
2. Пигалев А.И. Апокалиптика посмодерна- Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.- С.8.
3. Жижек С. Размышления в красном цвете.- М.: Издательство «Европа», 2011.- СС. 16, 17.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы.- М.: Академический проект, 2010.- С. 279.
5. Иглтон Т. Почему Маркс был прав- М.: Карьера Пресс, 2012.- С. 236.
6. Пигалев А.И. Там же.- С. 144.
7. Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамение времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте.- М.: «Беловодье», 2003.- С. 319.
8. Генон Р. Там же.- С. 317.
9. Мальцева Н.Л. Экологические императивы современной культуры// Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 7, Философия. 2008. № 2 (8). - С. 51.

10. Седова Н.Н., Сергеева Н.В.- Биоэтика в пространстве культуры: монография/ М.: Триумф, 2010.- С. 260.

REFERENCES:

1. Smirnov K.S. SHurshin K.V. Topos cheloveka tradicii v sovremennom kul'turnom prostranstve // Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. №7 (21): v 3-h ch. CH. 2.-S. 153.

2. Pigalev A.I. Apokaliptika posmoderna-Volgograd: Izd-vo VolGU, 2012.-S.8.

3. ZHizhek S. Razmyshleniya v krasnom cvete.-M.: Izdatel'stvo «YEropa», 2011.-SS. 16, 17.

4. Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda i drugie ranniye filosofskkiye raboty.-M.: Akademicheskij proyekt, 2010.-S. 279.

5. Iglton T. Pochemu Marks byl prav.-M.: Kar'era Press, 2012.-S. 236.

6. Pigalev A.I. Tam zhe.-S. 144.

7. Genon R. Izbrannyye sochineniya: Carstvo kolichestva i znameniya vremeni. Ocherki ob induizme. Ezoterizm Dante.-M.: «Belovod'e», 2003.-S. 319.

8. Genon R. Tam zhe.-S. 317.

9. Mal'ceva N.L. Ekologicheskkiye imperativy sovremennoj kul'tury // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. 2008. № 2

10. Sedova N.N., Sergeeva N.V. ..Bioetika v prostranstve kul'tury: monografiya/M.: Triumf, 2010.-S. 260.